

ЛИЧНОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ

УДК 159.98

МИФОЛОГЕМА СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «ТРЕТЬЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Арпентьева Мариям Равильевна
(Калуга, Россия)

Аннотация

Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI веке, она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделять субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении сущностных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Ключевые слова: субъектность, антисубъектность, мифологизация субъектности, кризис субъекта, человечность, человеческая субъектность.

THE MYTHOLOGEM OF SUBJECTNESS IN THE CONTEXT OF THE “THIRD MODERNITY”

Arpentieva Mariam Ravilievna
(Kaluga, Russia)

Annotation

The problem of subjectivity is one of the leading problems of human existence; now, in the 21st century, it has gained particular relevance. The desubjectivization of human life and relations of people of our time is largely associated with the emergence and penetration into social life of various types of pseudo-subjects, first of all, we are talking about the creation and active implementation of communities of digital and biodigital “analogues” of a person: robots and other “smart devices”, as well as numerous attempts to create chimeras (animal and human hybrids) and other options for normalizing dehumanizing forms of activity and relationships, including directed primitivization and blockade of the development of the main part of the planet's population. The dehumanization of a person in parallel with humanization, attempts to endow “smart devices” and animals / chimeras with subjectivity, marked the onset of a “crisis of subjectivity”, a total mythologization of all components of the conceptual field of “subjectivity”. The way out of this

crisis is in the acquisition of a new understanding by a person of himself in the world of pseudo-subjectives created by him and the subjects around him, imitating subjectivity and creating other conditions for the dehumanization of biodigital technologies and devices, highlighting the essential aspects of human subjectivity, human subjectivity as "humanity".

Key words: subjectivity, anti-subjectivity, mythologization of subjectivity, crisis of the subject, humanity, human subjectivity.

Введение

Общие основания исследований мифов. Ключевые вопросы исследований мифов и мифотворчества связаны с ролью и содержательными характеристиками мифов как формы постижения человеком себя и мира. Онтологические, эпистемологические и аксиологические характеристики мифотворчества человека и человеческого общества могут быть существенно различными: так, в одних случаях, мифотворчество является предшествующей научному, «объективному» постижению мира формой, в других – альтернативной, ненаучной или даже антинаучной. Вопрос соотношения мифологического представления о той или иной реальности и самой реальности является одним из ведущих на протяжении всей истории человека, но в периоды первой (модерна, увлеченного созданием новых мифов как перспектив понимания реальности), второй (постмодерна, увлеченного созданием фиктивных реальностей – «правд» – и утверждением отсутствия «единой», истинной реальности как таковой) и текущей, «третьей современности», (постпостмодернистских поисков стабильных опор понимания, исследования человеком себя и мира), она приобретает небывалую значимость. С решением вопроса о мифах в «третьей современности» оказывается связано само существование человека как понимающего / сознающего, развивающегося / изменяющегося и активного / субъекта существа. Постмодерн привел человека к идее игры в реальность, в том числе десубъективизации как игры в самого себя и в окружающий мир. Постпостмодерн предлагает две ведущие альтернативы: 1) отказ от реальности и субъектности и, вместе с тем, от человечности, ее понимания, утверждения / подтверждения и развития; и 2) поиск истин, лежащих в основе субъектности, постижение человеческой субъектности как человечности.

Актуальность исследования. Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI в., она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении существенных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Цель исследования – анализ ведущих альтернатив понимания субъектности человека в контексте «третьей современности»: 1) мифотворческий отказ от реальности и субъектности и, вместе с тем, от человечности, ее понимания, утверждения / подтверждения и развития; формирование мифов квазисубъектности и квазичеловечности; 2) мифотворчество как формирование обновленного и уточненного предметно-понятийного поля «человеческой субъектности», поиск истин, лежащих в основе субъектности, постижение человеческой субъектности как человечности

Перспективы исследования связаны с анализом основных черт и последствий выбора человеком и человечеством выделенных альтернатив. На наш взгляд, первая из альтернатив представляет собой попытку возвращения к представлениям «второй» субъектности, имеющей последствиями десубъективизацию и расчеловечивание. Вторая из альтернатив дает возможность утончить понимание человеческой субъектности и наметить пути, которыми современное общество и современные люди могут достичь состояния собственно человеческого.

Методы (Methods)

Метод исследования – теоретический анализ и синтез проблем мифологизации субъектности человеческой жизни.

Методологическая основа исследования – феноменологический подход к пониманию человеческой субъективности.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблематика мифологизации субъективности остается практически неизученной, несмотря на то очевидность функционирующих в современных сообществах нескольких порой кардинально различных по полноте, научности («объективности») и спекулятивности («популизму») моделей субъектности человека и иных (живых и неживых) существ. Мы полагаем, что в рассмотрении мифов субъектности человека и иных существ нужно обратиться к понятию мифологема. Мифологема (как понятие введено в научный оборот К.Г. Юнгом и К. Кереньи) выступает как составляющая ментальности, характеристика специфичности сознания человека «третьей современности» включает в себя – мифологические сюжеты, сцены, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в разных культурах, опирающийся на некий «мифологический архетип», приобретающий в разные периоды человеческого развития различные черты [Кереньи, Юнг, 1997: 13].

В контексте науки можно говорить о филосоеме – основных положениях, философской / научной идее, лежащей в основе какого-либо научного учения. Как известно, изначально под мифом понималась совокупность абсолютных (сакральных, в том числе и мистически «доступных») ценностно-мировоззренческих истин, противостоящих повседневно-эмпирическим (профанным) истинам, выражаемым обыкновенным «словом». Позднее, однако, понятие мифа приобрело уничижительный оттенок, обозначая бесплодное, необоснованное утверждение, иллюзию, лишённую опоры на строгое доказательство или надёжное свидетельство. Как форма знания миф все больше утрачивает свою актуальность, но как побуждение к действию и средство манипуляции человеком и обществом не исчерпал имеющиеся возможности. Возращение мифа или ремифологизация в истории человечества совмещено с исследованием и изменением преданий и легенд. Предания и легенды воспроизводят мифологические схемы, прикрепляя их к историческим или квазиисторическим событиям, претендуют на достоверность, истинность. при этом

миф служит ритуализации повседневности, дает возможность человеку обрести смысл / понимание жизни, подтвержденность (смысл мифологии в целом составляет переход из неупорядоченного хаоса к организованному космосу) и истинную или иллюзорную активность / субъектность (возможность и способность управления миром через ритуалы и т.п.) и включенность в социум, его культуру и историю.

Мифологическое представление связано с поиском обывателем ответственности за происходящее, преуменьшение или преувеличение роли субъектности как участия в тех или иных событиях, что отражает мифологическую тенденцию одушевлять и персонифицировать окружающий мир. Мифическое концепирование понятий и событий не полностью алогично (принцип партиципации по Л. Леви-Брюлю), но символично (согласно Э. Кассиреру), пользуется косвенными «обходными» средствами (бриколаж и медиация по К. Леви-Стросу). Кроме того, важно отметить тенденцию деления мифов на два круга: эзотерические (священные мифологические сказания, доступные только «посвящённым») и экзотерические (мифы для «непосвящённых», отпугивающие их от тайн). В классовых сообществах, отмеченных надгосударственными структурами (начиная с ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ и т.п. для планеты в целом и заканчивая АСИ в России и аналогичными структурами в иных странах) в качестве целевых для «третьей современности» это деление особенно сильно: тайные учения принадлежат жреческим кастам и избранным адептам — «мистам», посвящаемым в «мистерии» (особые виды активности, утверждающие их статус и, в том числе, субъектность как способность и готовность влиять на мир «обывателей»). Кастовое общество есть общество, в котором есть субъекты («патриции», «элита», «сильные мира», «состоявшиеся и неординарные») и не-субъекты («плебс», «NPS», «маленькие люди», «стадо»), удел последних — «деградировавшие мифы», результат намеренных «информационных вбросов» и иных манипуляций «массовым сознанием». Здесь важна регулятивная функция мифа: миф — механизм. (ре)организации социальной жизни, он регламентирует ее, предписывает правила поведения/ интеракций, выстраивает систему ценностных ориентаций, определяет прохождение стрессов, инициаций, проблемных ситуаций и т.д., поддержание и контроль порядка, в том числе путем видимости снятия / разрешения ведущих жизненных проблем, включая рассматриваемую нами, мифы, которые «узаконивают» фундаментальные идеи общества [Блакуэлл, Блакуэлл, 2006].

Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI в., она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов [Арпентьева, Панарин, 2021; Арпентьева, 2017; Доронкин, 2020]. В первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты [Арпентьева, Панарин, 2021; Русаков, 2022]:

1) десубъективизации самого человека, его расчеловечивание путем лишения стремления и умения развиваться как человек, воспитание пассивности / асубъектности, невежественности и отказа от развития (маленький человек В. Райха, авторитарная личность Т. Адорно, одномерный человек Г. Маркузе, страх

одинокости Э. Фромма, неопределенный субъект Ж.-П. Сартра, персона К. Юнга, расщепленный субъект С. Жижека и Р. Лейнга) [Адорно, 2011; Делез, Гваттари, 2008; Zizek, 2009];

2) десубъективизация мира повседневного человеческого бытия, социальных отношений (паноптикум И. Бентама, гласность Ж.-Ж. Руссо, и технологическая дегуманизация М. Хоркхаймера, интерпелляция Л. Альтюссера, биовласть М. Фуко, *das Man* М. Хайдеггера, тотальный институт И. Гофмана, шпионящий / надзорный капитализм и цифровая архитектура Ш. Зубофф) [Бентам, 1998; Aoun, 2017; Zuboff, 2019].

3) разработка и внедрение проектов, событий, практик и институтов дегуманизации (идеи и технологии цифрового концлагеря и внедрения репрессивно-направленных рейтингов жизнедеятельности населения, например, система «социального кредита» («социального рейтинга» или «социального доверия») в Китае и иных странах, внедряющих балльно-рейтинговую оценку труда и жизнедеятельности населения, расширение сети концентрационных лагерей и «частных тюрем» с планируемой численностью заключенных в США и Европе, рекламируемый «кэнселлинг» (cancelling) или культура отмены или бойкота (cancel culture, call-out culture, прекращение поддержки и остракизм человека или группы как «персоны нон-грата») в Европе и США, поддержка систем доноительства и взаимной слежки во многих странах мира, астротурфинг-лобби (astroturfing, имитация «народных инициатив») как имитации движений массовой инициативы («движения снизу», grassroots) в США и в других «демократических» странах) [Любарец, 2017; Юшков, 2019; Haidt, Lukianoff G, 2018].

При этом одной из реальных опасностей выступает не просто искажение понятия субъектности, но и принятие этого искажения массами как «нормального» компонента их повседневной жизни. По мнению П. Фрейре, противника такого кастового общества, чтобы жить полноценной, свободной жизнью в мире, субъект должен «произносить правдивое слово» (true word), для этого нужны понимание и грамотность / контроль языка, чтобы давать имя миру, тем самым участвуя в нём и его преобразовании. Слово усиливает субъектность. «Нет истинного слова, которое не было бы в то же время практикой. Таким образом, сказать истинное слово означает преобразить мир... Человеческое существование не может быть безмолвным и не может питаться лживыми словами». «Надежда коренится в незавершенности [человечества], из которой они выходят в постоянном поиске – поиске, который может осуществляться только в общении с другими» [Freire, 2000: 87, 91]. Говорить, как заметил П. Рикер, значит «говорить что-то о *чем-то*» [Ricoeur, 1968: 114]. Современная социальная система увековечивает сломанную систему как пустых слов, так и репрессивных действий. «Когда мы пытаемся проанализировать диалог как человеческий феномен, мы обнаруживаем нечто, что составляет суть самого диалога: слово», – отмечает П. Фрейре. Антидиалогические действия, блокирующие субъектность, включают завоевание, манипуляцию, разделяй и властвуй и культурное вторжение. Диалогические действия – единство, сострадание, организация и культурный синтез – развивают ее [Freire, 2000: 87, 91].

Интересны в этом контексте представления о судьбе человека, например, в судьбоанализе и иных исследованиях. Мифологема – ведущий компонент, на котором строится понимание и деятельность человека, вся его жизнь, когда и там, где и когда мифологема некачественная, жизнь человека становится неуспешной, фатально зависящей от других. Согласно Л. Сонди (Зонненшайну) человек должен стать

«верховным учителем» (Pontifex Oppositorum), достичь состояния, «высшего жреческого, объединяющего все противоположности, Я», которое позволяет человеку взять под осознанное управление свою жизнь и достичь высоких результатов, осознанно управлять собственной судьбой, выстраивая её вне зависимостей от требований социума. Из разных типов инстинктивных и сознательных реакций / форм активности человека формируется уникальная последовательность переключения реакций, узор модели поведения, в котором одна из реакций – главная, она длится дольше всех и явней всех.

С момента выявления реакции психики можно начинать движение к «высшему Я» («Гюль-Голь»), к тому, что позволяет «сделать человека подобным Богу и Бога очеловечить». нахождения и задействования механизмов совершенствования, где нужно поставить под контроль все реакции посредством кардинального перепрограммирования (методами «составного прототипа» (идеала), «лифта Гр.С. Попова» и «метода осознания неполноценности»). Интеграция как способность к восстановлению целого из его составных частей (приобретение компетенций), трансцендентность как способность к переходу из одной области в другую (решение задач) и партиципация как способность воплощаться в положении вещей (формирование миропонимания), добиваться результатов, – составляющие успеха [Ильюша, 2022; Мальцев, 2006; Мальцев, 2018]. История и мифология понятия «Я» – это история перемен предметного и компетентного выбора в понимании «Я». Альтернативный путь связан с «методом достройки», который активно мифологизирован в педагогике и иных науках и практика как путь субъективизации, самореализации. На деле он дает возможность достичь определенного успеха, но не приводит к триумфу.

По мнению Ш. Зубофф [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], выделившей периоды первой и второй современности (modernity), первая современность – в начале XX в. – ориентировалась на подавление индивидуальности: человеку стало запрещено жить так, как ему нравится и хочется, он стал вынужден приспосабливаться к большинству, в первую очередь – к семье: человек формируется и живет как стандартный квазисубъект, воспроизводящий и подтверждающий безоговорочную идентичность с социумом, с коллективным Я (человек с его «треснувшим Я» выступает как пассивный субъект желания, никакое сопротивление и даже попытки сопротивления этим сообществом не принимаются и не предполагаются). Попытки развивать «молекулярные» / сингулярные образы существования, выступать как субъекты – источники творческого развития и революционного инвестирования, были заблокированы. Не случайно по этому поводу возникли многочисленные исследования конформности (Т. Адорно, Г. М. Андреева, Х. Арендт, С. Аш, Э. Дюркгейм, А. Гидденс, Б. Жданюк, Ф. Зимбардо, М. Дойч, Г. Джерорд, И. С. Кон, Б. Латане, Дж. Левин, Д. Майерс, Г. Маркузе, Р. Мертон, Ст. Милгрэм, С. Московичи, В. Мухина, Д. В. Ольшанский, Т. Парсонс, А. В. Петровский, Д. Рисмен, И.А. Рудакова, Н. Смелзер, А. П. Сопиков, Г. Тард, Дж. Тернер, П. Тиллих, И.А. Ушкина, Л. Фестингер, М. Хоркхаймер, В. Э. Чудновский, М. Шериф, Т. Шибутани, Э. Фромм, В.А. Ядов и др.) [Зимбардо, 2006; Лобачжевский, 2022; Milgram, 1963].

В период второй современности [Zuboff, 2019] богатство и власть стали недоступны большинству: модель свободного рынка привела к непреодолимому неравенству и кастомизации сообщества (все более жесткой его иерархизации), максимизации идей нехватки ресурсов и неизбежности потребления, ведущих к прогрессирующему обнищанию, эксплуатации масс и дальнейшему закреплению

«молярного» (стадного) образа существования. Отношения и интеракции людей, интерессубъективность, приняли форму власти (господства) одних над другими, при этом субъект вынужден 1) фальсифицировать индивидуальность / самость (создает персону, личность) ради такого – персонального – господства / превосходства; 2) в которой и посредством которой воспроизводит механизмы принуждения социума ради исполнения некоего «морального долга» перед последним (начиная с семьи и заканчивая иными группами, в пределе представляющими собой мафиозные, патократические группировки). Согласно Ж. Делезу [Делез, Гваттари, 2008], желание властвовать над тем, что господствует и эксплуатирует человека – базис капиталистической культуры, бесконечно рождающей структуры репрессии и воспроизводства «логики капитала».

Сейчас наступил период третьей современности [Zuboff, 2019], при которой, после наращивания силовых структур, усиленной бюрократизации и массовой менеджериализации (кастомизации и распредмечивания отношений) происходит слияние капитализма и цифровых технологий. Вместо помощи людям эти технологии используются для наживы, в первую очередь, на личных данных человека: осуществляется вторжение в его личную жизнь, которое после некоторого сопротивления приводит к формированию привыкания, далее – адаптации и некоторому более «законному» по отношению к тому, чьи данные и жизнь эксплуатируются, перенаправлению процессов слежки и продажи сведений о человеке, аналогично тому, как это происходит в рамках «окна Дж. Овертона» в целом [Beck, 2010].

Повседневность, научная и профессионально-практическая деятельность традиционно делят реальность на людей и вещи. Такой «дуалистический» подход в период «третьей современности» уже не способен полноценно отвечать на многие этические проблемы, стоящие перед людьми, организациями, сообществами. Поэтому вводится идея неличных субъектов (non-personal subject) как промежуточной категории. В первую очередь, это понятие нацелено на то, чтобы попытаться осмыслить статус нечеловеческих существ: автономных искусственных агентов («искусственного интеллекта / разума»), разумных животных, а также на то, чтобы попытаться разрешить разногласия, вызванные некоторыми другими типами существ. Неличные субъекты отличаются от объектов (вещей) признанием за ними способности иметь субъективные интересы, имеющие этическое и юридическое, личное и социальное значение. Однако они также отличаются от людей и групп людей невозможностью иметь большинство прав и обязанностей, традиционно приписываемых людям как субъектам. У них есть лишь право быть принятыми во внимание и обязанность подчиняться касающимся их решениям. Суть этого права состоит в том, чтобы жизненно важные субъективные интересы отдельного существа учитывались во всех решениях, которые могут существенно повлиять на них. Суть обязанности - в неограниченной «лояльности» по отношению к управляющим ими субъектами или заменяющими их устройствами (предметами) и иными NPS. Во многих случаях их интересы должны быть сбалансированы, но обычно они могут «перевешиваться» другими, подчас противоречащими им обстоятельствами. Тем не менее, ими нельзя пренебрегать, но нужно стремиться уравнивать по общему принципу соразмерности. Яркий пример – доктрина «мальтузианских ножниц»: программа геноцида населения «третьей современности» с декларируемой целью «устойчивого развития» человечества как целого и его отдельных частей (стран и управляющих ими монолитов – государств). Идея неличных субъектов в целом

предпочтительнее популярных притязаний на придание животным, искусственному интеллекту (роботам) и т.д. статуса субъектов [Chimeras and Hybrids, 2009; Chopra, White, 2011; Pagallo, 2013; Pietrzykowski, 2017].

Современное капиталистическое общество переняло принципиальные черты исторического фашизма, при котором происходит десубъективация / десубъективизация человека которая, по определению Ж. Делеза и Ф. Гваттари есть доминирование антигуманной «логики капитала» (наживы и потребления) над всеми возможными способами утверждения нужд и желаний субъекта, а по определению Т. Адорно – вытеснение культурой всех / любых возможностей нестереотипных способов самопонимания и самовыражения индивида [Адорно, 2011; Делез, Гваттари, 2008; Zizek, 2009]. Оба процесса ведут к распаду человеческой субъективности и требуют изменения способов осмысления человеком себя, других, социума, природы и культуры. Микрофашизм современного капитализма проявляется в том, что все большее количество социальных процессов и феноменов, свойственных тоталитарным режимам XX в., становятся нормами отношений людей. Примерами являются всемирный феномен «шпионящего капитализма» [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], культура отмены в Европе и США, система социального кредита в Китае и иных странах, куда он ее «экспортирует», имитации общественной поддержки политических партий и законов в таблоидных СМИ, интернет и т.д. – во всем мире (Ш. Зубофф, С.С. Русаков и др.). Микрофашизм, по мнению С.С. Русакова, разрушает готовность и способность человека к субъективизации [Русаков, 2022]. Мещанство, идентичность «маленького человека», сосредоточенность на «маленьких» интересах и желаниях и отказ от развития, ответственности и субъектности, согласно В. Райху, являются причиной и микрофашизма, и макрофашизма [Райх, 1997], того расчеловечивания, которое мы наблюдаем в самых разных формах, размерах, ситуациях, начиная с бытового мещанского равнодушия и «бесхребетности» вплоть до «голой жизни», «доходяг», «бревен» и иных «музульман» концентрационных лагерей прошлого и настоящего.

Поэтому, по мнению М. Онфре, если с классическим, «макрофашизмом» боролись с помощью войн и революций, то с микрофашизмом и репрессивностью современного «демократического общества справиться можно только путем микросопротивлений и изменения человеком себя и предписанной ему сообществом и управляющими сообществом судьбы: «Создавать просвещенные, сильные, ... благожелательные индивидуальности, находящиеся в ладах с самими собой, что является залогом хороших отношений с другими» [Онфре, 2023: 1]. Сейчас же, в лучшем случае, как вариант пассивного сопротивления этим тенденциям, возникают формы псевдотворческой, хотя и негативной, «трансгрессивной», а не «самоактуализирующейся» активности, предшествующей взрыву / трансформации «усталости», при которой человек полагает, что у него нет иных вариантов жизни: «некуда идти», «никому не нужен», «ни на что не способен» и т.д. Уставшие люди [Бодрийяр, 2020], доведенные до грани отчаяния, у которых почти не осталось надежды, но все еще осталось самопонимание и понимание происходящего, могут двигаться к иной культуре и «молярно» и «молекулярно»: 1) сам человек, во всех своих проявлениях может и нуждается в том, чтобы сохранять и утверждать (подтверждать) себя как субъекта, 2) объединяться в группы, используя силу социума, интересубъективных, решающих конкретные проблемы рабочих групп, в которых каждый выступает как актер, субъект [Арпентьева, 2018].

Концепция субъективации / субъективизации развивалась М. Фуко [Фуко, 1991]. Процесс субъективизации рассматривается как формирование автономного самопонимания и понимания мира, а десубъективизации – реверсивного процесса – ликвидации автономии индивидуального понимания себя и мира, но не столько путем его подмены коллективным пониманием, сколько иллюзорным, пассивным фрагментарно-изменчивым пониманием, которым легко манипулировать извне.

Рассмотрение человека как «общественного животного», вообще говоря, предполагает две основные модели, одна из которых подразумевает, что человек обладает способностью развиваться и развивать сообщество, к которому принадлежит, в том числе, путем диалога и сотрудничества с другими людьми, а также путем утверждения и распространения своего понимания мира и самого себя [Аронсон, 1999]. Однако, другая сторона медали, суммированная тезисом «жить в обществе, и быть свободным от общества невозможно», чрезмерно эксплуатируемая «современностями» XX-XXI вв., приводит к тому, что человеку предписывается «служить обществу», даже не понимая, зачем и почему он это должен / вынужден делать. При этом служение выступает как трансгрессивное потребление предложенного и принуждение потреблять предложенное остальным. Это хорошо видно на примере современных систем образования, которые в конце XX в. были переведены в статус продуцирующих и предоставляющих некие «образовательные услуги»: как и в ранее рассмотренных случаях, подмена понятий позволяет решить (скрыть существование) вопросов, связанных с принуждением и насилием к потреблению, с принудительной стандартизацией и манипуляцией сознаниями и жизнями людей [Арпентьева, 2020; Касымова и соавт., 2021; Пфаненштиль, Панарин, 2020], в том числе имитировать «заботу» о человеке и его будущем, на деле подменяя ее заботой о капитализме и его сохранении. «Цифровая образовательная среда», лишённая педагогов и учеников как субъектов представляет собой пространство и время воспроизводства некоторых «роботоустойчивых» [Aoun, 2017] и «конкурентоспособных» специалистов «одной кнопки»: продолжая модель грануляции – распределения функций и компетенций работников в рамках конвейера, капитализм достигает 1) возможности вытеснить значительную часть функций и выполняющих их людей из производства, и, значит, реализует планы «сокращения», то есть геноцида населения планеты, 2) решает планы культурицида, в том числе путем трансгрессии и вырождения человека, его передвижения из позиции субъекта в объект, через «квалифицированного потребителя» в «говорящее орудие», создание и эксплуатация которого на многих участниках производства выгоднее и проще, чем использование роботов и т.д. [Зарубина, 2021; Тхостов, 2014; Шваб, 2016; Фуко, 1994]. При этом отмечается, например, что технологический уклад меняет «не только то, "что" и "как" мы делаем, но и то, кем мы являемся» [Шваб, 2016: 9]. Однако, здесь необходимо уточнить: человек остается человеком, но использующим те или иные устройства – во благо или во вред себе и другим. Попытки подмены «цифровизации» деятельности человека «цифровизацией» самого человека – не более, чем способ введения в заблуждение (псевдосубъектность) и запугивание масс для увеличения их послушания, конформности и бесконечности сохранения того, что уже – рушится, даже приобретая, казалось бы, мировую власть и власть над каждым отдельным существом, чьи права и обязанности, достоинство и индивидуальность, оно попирает, чтобы оставаться неизменным, достигать все большей наживы и все большей власти [Адлер, 2013; Тхостов, 2014; Aoun, 2017; Zuboff, 2019].

Вторжение не только в человеческую жизнь, превращение ее в концлагерь, но в самого человека, его душу и тело предполагает два процесса: 1) превращения человеческого сообщества в «биомассу» [Доронкин, 2020; Лобачжевский, 2022; Bettelheim, 1991; Zimbardo, 2008] 2) вырождение человека, торжество социопатов / психопатов или архантропов [Арпентьева, Панарин, 2021; Диденко, 1999; Поршневу, 1974; Сидоров, 2015]. Десубъективизация – уничтожение человека как индивида и как вида.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Уже в том же, XX в., созданы инструменты противостояния капитализму. Один из примеров – вторая демократия А. Адлера. Многие исследователи отмечают, что демократия – как ее предлагают видеть – давно не является не только способом учесть мнение «простых» людей, масс, она даже не является способом, связанным с желанием его учитывать. Демократия лишь обеспечивает власть агрессивной посредственности (стандарта), сформировать которой, само по себе, являлось задачей «первой современности» [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], а возникновение которой позволило реализовать «макрофашизм» XX века. А. Адлер разработал антагонистичную этой «первой», стандартизирующей человека, систему «второй демократии». Когда мир вокруг человека рушится, когда принуждение стать «как все» достигает максимума, человеку достаточно оставаться собой или, наконец, – стать собой. Это особенно важно там и тогда, где икогда выбора уже почти нет. Однако, это не менее важно в повседневности, рутине. Камень, брошенный в реку и рождающий несколько затухающих волн перед тем, как исчезнуть – сиюминутные желания страшащегося и злобствующего (по предписанным поводам) гордеца и невежи, мечтающего о воплощении предписанных ему «маленьких» желаниях и удовольствиях, боящегося ближнего как конкурента и источника уничтожения и краха своих надежд на удовольствие, тревожащегося о своем бесценном и «невосстановимом» в эпоху «фармагеддона» телесном здоровье именно тогда, когда речь идет о здоровье души, преследуя «маленькие радости», и изучая «частные мнения», может забыть о том, что можно перестать быть не только собой, но и человеком... Превращение человеческих сообществ в «биомассу», оформление внутри них отношений «хозяин – раб» как основных, привычных и единственно правильных – завершение современной «демократии», запугивающей человека множеством невидимых «врагов», «нехваткой ресурсов» и «непредсказуемостью» мира в целом. Вторая демократия утверждает, что человек может не просто исчезнуть, как и бесчисленные потерявшие или не нашедшие себя и мир, иные, может не забыть себя в бесполезной попытке «противостоять» и «отвергнуть», но, используя ресурсы мира и благодаря мир, остаться на поверхности («между»), продолжая исследовать мир, развенчивать его симулякры и иллюзии, транслировать себя и понятное – о себе и мире, создавать вокруг себя «колебания», которые могут изменять мир. Этот образ воплотили Дж. Кришнамурти, Ш. Ауробиндо, многие иные святые разных религий, он запечатлен в высказываниях, приписываемых матери Т. Калькуттской («Все равно делай это»), а также в исследованиях конформизма о том, как важно продолжать исследовать, стремиться понять реальность, и себя самого, а не соглашаться с тем, что навязывает социум [Ушкина, 2015]. Рефлексия симулякров и осознание реальности дают человеку возможность понять кто он, и кем он быть стремится... и чем - нет. В. Франкл, Б. Беттельгейм, А.Кемпински и многие иные – примеры людей, сказавшие «да» сами себе, своей жизни, достоинству, любви – там и тогда, где многие другие от всего этого отказались: в концлагерях и тюрьмах, в школах и вузах, в больницах и

хосписах, в собственных семьях и т.д. Помимо «второй демократии» А. Адлера стоит отметить известную «прямую демократию», «глубинную демократию» А. Минделла, интерсубъективное управление (эвергетику) В.А. Виттиха и т.д. [Арпентьева, 2018].

Отдельно следует отметить линию, связанную с «химеризацией», попытками подтолкнуть человека на путь животного, биологического вырождения: идея потребления и ряд остальных идей, пестующих «инстинктивные» программы комфорта, удовольствия, превосходства, способствуют расчеловечиванию. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности» [Арпентьева, Панарин, 2021]. Здесь можно говорить уже и об «антисубъектности»: наличие программ приведения человеческих сообществ разного размера в состояние полной покорности, невежества, оживотненности. Как программа данный подход разработан и внедряется давно, однако, программирование и достижение целей – далеко не одно и то же. Несмотря на многочисленные, интенсивные и постоянные попытки, достижения таких антисубъектов и их программ, не выходят за рамки традиционных: антропы, в отличие от неоантропов, по оценкам исследователей, всегда следовали туда, куда их вели, формируя общий, стандартный, но не единственный «рисунок» человеческой жизни. Становление человеком всегда было самостоятельной задачей жизни каждого индивида, и происходящее сейчас, в «третью современность», этого общего процесса не отменяет, но, напротив, актуализирует. Выход из кризиса десубъективизации – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность, биоцифровых технологий и устройств, и иных условий расчеловечивания, подмены ведущих смыслов и значений человеческого бытия.

Осуществленное нами исследование является в достаточной степени новым, относящимся к малочисленной группе исследований, напрямую обращенных к рассматриваемой проблеме, а постановка проблемы – в контексте понятия мифологизации – осуществляется впервые. Сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями позволяет заключить, что исследователи разных направлений отмечают озабоченность процессами десубъективизации человека, обращая внимание на важность понимания того, что важная не просто субъектность, а субъектность человеческая. Подлинная самостоятельность есть самостоятельность ответственная, связанная с мировоззренческой свободой и ответственностью человека.

Заключение (Conclusions)

Проблема мифологизации субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования в «третьей современности», мифологизация субъектности – инструмент десубъективизации человеческой жизнедеятельности и отношений людей. Она во многом связана с созданием и проникновением в социальную жизнь различных мифов субъектности и типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и

животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении сущностных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Научная ценность исследования связана с разработкой понятия «человеческая субъектность», пониманием человечности как целостной характеристики самоосуществления человека как развивающегося, утверждающего ценности человеческого со-бытия / диалога и постижения себя и мира, существа. Результаты исследования важны для педагогики и иных практик и наук, занимающимися проблемами самоосуществления человека.

Литература

Адлер Х.Г. Терезиенштадт. 1941–1945. Лицо принужденной общности (с некоторыми сокращениями). Санкт Петербург: Диада-СПб. 2013. 280 с.

Адорно Т. Негативная диалектика. Москва: Академические Проект, 2011. 538 с.

Аронсон Э. Общественное животное. Москва: Аспект Пресс, 1999. 520 с.

Арпентьева М.Р. Деформации смысла жизни и проблемы духовного роста // Ползуновский альманах. Общественные и гуманитарные науки. Барнаул, 2017. Т. 4, № 4. С. 24–33.

Арпентьева М.Р. Партиципация и модель интересубъективного управления инновациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5, № 2. С. 190–199.

Арпентьева М.Р. Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 1. С. 3121–3129.

Арпентьева М.Р., Панарин С.А. Информационные технологии и социальная динамика: два показательных случая // Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке: коллективная монография / Сост., науч. и литератур. ред. С.А. Панарин. Санкт Петербург: Нестор-История, 2021. 452 с.

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва: РОССПЭН, 1998. 415 с. – Текст: непосредственный.

Блакуэлл Кр.У., Блакуэлл Э.Х. Мифология для «чайников». Москва: «Диалектика», 2006. 368 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Москва: АСТ, 2020. 320 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов: человечество как оно есть. Москва: Китеж, 1999. 173 с.

Доронкин В.К. Машинно-ориентированное психологическое консультирование: проблемы, перспективы, тренды // Психологические исследования: актуальные направления и перспективы: Сборник научно-практических исследований молодых ученых. Санкт Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. Т. 1. № 1. С. 10–22.

Зарубина Н.Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. №4. С. 60–70.

Зимбардо Ф. Стэнфордский тюремный эксперимент / Ф. Зимбардо // Psychology OnLine.Net = Психология онлайн. 05.12.2006. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-671.html> (дата обращения: 24.05.2023).

Ильюша М.Н. Психология Гр. С. Попова и А.С. Яковлева. «Модель поединка в храме» // Судьбоанализ. 2022. 23 августа. С.1. URL: <https://maltsev-worldwide.com/psihologiya-akademikov-grigoriya-semenovicha-popova-i-alekseya-samuilovicha-yakovleva-model-poedinka-v-hrame/> (дата обращения: 24.05.2023).

Касымова Г.К., Валеева Г.В., Сетяева Н.Н., Арпентьева М.Р., Флиндт Н. Социально-психологические проблемы смарт-образования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. № 36. С. 80–94.

Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов Архивная копия от 19 февраля 2018 на Wayback Machine. М., 1997. С. 13.

Лобачжевский Э. Политическая понерология. France: Red Pill Press, 2022. 343 с.

Любарев А.В. Неконы рывок к созданию общемирового электронного концлагеря // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Махачкала, 30 сентября 2017 г. Махачкала: Апробация, 2017. С. 32–33.

Мальцев О.В. Мина Замедленного Действия. Днепр: «ФЛП Середняк Т.К.», 2018. 206 с.

Мальцев О.В. Философия Л. Сонди. Днепр: Середняк Т. К., 2018, 183 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1ovfbqQRwuD2Kmb_XwFjvhcVfRQhSzAtn/view?pli=1 (дата обращения: 24.05.2023).

Онфре М. Несчастья (и величие) философии // Censura.Ru = Цензура. 2023. URL: https://censura.ru/articles/miseregrandeur.htm#_edn8 (дата обращения: 29.05.2023).

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Под ред. Л.Н. Дороговой и И.А. Кадышевой; предисл. С.А. Токарева, Х.Н. Момджяна, Л.И. Анцыферовой. Москва: Мысль, 1974. 488 с.

Пфаненитиль И.А., Панарин В.И. Цифровое образовательное пространство и проблема «расчеловечивания» // Профессиональное образование в современном мире. 2020. №10(2). С. 3656–3665. URL: <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202>.

Райх В. Посмотри на себя, маленький человек! Москва: Мир Гештальта, 1997. 90 с.

Русаков С.С. Микрофашизм и десубъективация. истоки проблематики / С.С. Русаков // Социодинамика. 2022. №7. С. 57–66.

Сидоров Г.А. Тайная хронология и психофизика русского народа. Москва: Концептуал. 2015. 656 с.

Тхостов А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Под ред. Г.Л. Белкиной, М. И. Фроловой. Москва: Ленанд, 2014. С. 186–198.

Ушкина И.А. К вопросу о факторах, воздействующих на проявление феномена конформизма в современном обществе // Наука. Общество. Государство. 2015. №1 (3). С. 226–235. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки // Социо-Логос. Москва: Прогресс, 1991. С. 274–283.

Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт Петербург: Мифрил, 1994. С. 111–132.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016. 208 с.

Юшков И.В. Система социального кредита в Китае как инновационная методика управления обществом // Научно-аналитический журнал Обозреватель Observer. 2019. №12 (359). С. 60–69.

Aoun J.E. Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.

Beck Gl. The Overton Window. N.-Y.: Threshold Editions, 2010. 336 p.

Bettelheim B. The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.

Chimeras and Hybrids in Comparative European and International Research / Taupitz J., Weschka M. Eds. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. 480 s.

Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 340 p.

Freire P. Pedagogy of the Oppressed. New York: Bloomsbury, Continuum; 2000. 183p.

Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind. New York City : Penguin Press, 2018. 352 p.

Milgram St. Behavioral Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. Pp. 370–377.

Pagallo U. The Law of Robots. Crimes, Contracts and Torts. USA, New York. Springer, 2013.400p.

Pietrzykowski T. The Idea of Non-personal Subjects of Law // Law and Philosophy Library. Cham: Springer, 2017. Vol 119. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Kurki V., Pietrzykowski T. (eds.). Pp. 49–67. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6>

Ricoeur P. Structure – Word – Event // Philosophy Today. 1968. Vol. 12 (2). P. 114–120.

Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn. New York: Random House, 2008. 576 p.

Zizek S. Ticklish subject. The absent centre of political ontology. London: Verso Book, 2009. 499 p.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 704 p.

References

Adler H.G. Theresienstadt. 1941–1945 The face of forced generality (with some abbreviations). St. Petersburg: Diada-SPb Publ., 2013. 280 p. (In Russian).

Adorno T. Negative Dialectics. Moscow: Academic Project Publ., 2011. 538 p. (In Russian).

Aronson E. Social Animal. Moscow: Aspect Press Publ., 1999. 520 p. (In Russian).

Arpentieva M.R. Deformations of the Meaning of Life and Problems of Spiritual Growth // Polzunovskiy almanakh. Social and human sciences. Barnaul, 2017. V. 4, No. 4. Pp. 24–33. (In Russian).

Arpentieva M.R. Participation and the Model of Intersubjective Innovation Management // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and municipal management. 2018. V. 5, No. 2. Pp. 190–199. (In Russian).

Arpentieva M.R. Socio-psychological Problems of the Score-rating System for Assessing the Work of Employees of Educational Institutions // Vocational education in the modern world. 2020. V. 10. No. 1. Pp. 3121–3129. (In Russian).

Arpent'eva M.R., Panarin S.A. Information Technology and Social Dynamics: Two Illustrative Cases // Technologies That Change the World: Application and Effects in the World and in the East: Collective Monograph / Comp., scientific. and literature. ed. S.A. Panarin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 452 p. (In Russian).

Bentham I. Introduction to the Foundations of Morality and Legislation. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 415 p. – Text: direct. (In Russian).

Blackwell Kr.W., Blackwell E.H. Mythology for Dummies. Moscow: Dialectics Publ., 2006. 368 p. (In Russian).

Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: AST Publ., 2020. 320 p. (In Russian).

Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoriya Publ., 2008. 672 p. (In Russian).

Didenko B.A. Cannibal Civilization: Humanity as it is. Moscow: Kitezh Publ., 1999. 173 p. (In Russian).

Doronkin V.K. Machine-oriented Psychological Counseling: Problems, Prospects, Trends // Psychological Research: Current Trends and Prospects: Collection of Scientific and Practical Research of young Scientists. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2020. Vol. 1. No. 1. Pp. 10–22. (In Russian).

Zarubina N. N. Dehumanization Trends in the Digital Society: to Substantiate the Humanistic Approach to Technological Development // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2021. №4. Pp. 60–70. (In Russian).

Zimbardo F. Stanford Prison Experiment // Psychology OnLine.Net = Psychology online. 12.05.2006. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-671.html> (accessed 05/24/2023). (In Russian).

Ilyusha M.N. Psychology Gr. S. Popova and A.S. Yakovlev. “Model of a Duel in a Temple” // Fate Analysis. 2022. August 23. P.1. URL: <https://maltsev-worldwide.com/psihologiya-akademikov-grigoriya-semenovicha-popova-i-alekseya-samuilovicha-yakovleva-model-poedinka-v-hrame/> (In Russian).

Kasymova G.K., Valeeva G.V., Setyaeva N.N., Arpentyeva M.R., Flindt N. Social and Psychological Problems of Smart Education // Proceedings of the Irkutsk State University. Series: Psychology. 2021. No. 36. Pp. 80–94. (In Russian).

Kerenyi K., Jung K.G. Introduction to the Essence of Mythology // Jung K. G. Soul and myth: six archetypes Archived February 19, 2018 at the Wayback Machine. Moscow, 1997. P. 13. (In Russian).

Lobachzhevsky E. Political Ponerology. France: Red Pill Press Publ., 2022. 343 pp. (In Russian).

Lyubarets A.V. Neocons a Breakthrough Towards the Creation of a Global Electronic Concentration Camp // Scientific Search in the Modern World: a Collection of Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, September 30, 2017. Makhachkala: Approbation, 2017, Pp. 32–33. (In Russian).

Maltsev O.V. Delayed Action Mine. Dnipro: Serednyak T.K. Publ., 2018. 206 p. (In Russian).

Maltsev O.V. Philosophy L. Szondi. Dnepr: Serednyak T.K. Publ., 2018, 183 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1ovfbqQRwuD2Kmb_XwFjvhcVfRQhSzAtn/view?pli=1 (In Russian).

Onfre M. Misfortunes (and Greatness) of Philosophy // Censura.Ru = Censorship. 2023. URL: https://censura.ru/articles/miseregrandeur.htm#_edn8 (accessed 05/29/2023). (In Russian).

Porshnev B.F. On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology) / Ed. L.N. Dorogova and I.A. Kadysheva; foreword S.A. Tokareva, X.N. Momdzhyan, L.I. Antsyferova. Moscow: Thought, Publ., 1974. 488 p. (In Russian).

Pfanenstil I.A., Panarin V.I. Digital Educational Space and the Problem of "Dehumanization" // Vocational Education in the Modern World. 2020. No. 10(2). Pp. 3656–3665. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202>. (In Russian).

Reich W. Look at you, Little Man! Moscow: World of Gestalt, 1997. 90 p. (In Russian).

Rusakov S.S. Microfascism and Desubjectivation. the Origins of the Problem / S.S. Rusakov // Sociodynamics. 2022. No. 7. Pp. 57–66. (In Russian).

Sidorov G.A. Secret Chronology and Psychophysics of the Russian People. Moscow: Conceptual Publ., 2015. 656 p. (In Russian).

Tkhostov A.Sh. Brilliance and Poverty of Transhumanism // The Place and Role of Humanism in the Future Civilization / Ed. G.L. Belkina, M.I. Frolova. Moscow: Lenand Publ., 2014, Pp. 186–198. (In Russian).

Ushkina I.A. On the Issue of Factors Affecting the Manifestation of the Phenomenon of Conformism in Modern Society // Science. Society. State, 2015. No. 1 (3). Pp. 226–235. (In Russian).

Foucault M. Hermeneutics of the Subject. Course of Lectures at the College de France, 1982. Excerpts // Socio-Logos. Moscow: Progress, 1991. Pp. 274–283. (In Russian).

Foucault M. On Transgression // Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought in the Middle of the 20th Century. St. Petersburg: Mithril, 1994. Pp. 111–132. (In Russian).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 208 p. (In Russian).

Yushkov I.V. The System of Social Credit in China as an Innovative Method of Social Management // Scientific and Analytical Journal Obozrevatel Observer. 2019. No. 12 (359). Pp. 60–69. (In Russian).

Aoun J. E. Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.

Beck Gl. The Overton Window. New York: Threshold Editions, 2010. 336 p.

Bettelheim B. The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.

Taupitz J., Weschka M. (Eds.) Chimeras and Hybrids in Comparative European and International Research. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. 480 s.

Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 340 p.

Freire P. Pedagogy of the Oppressed. New York: Bloomsbury, Continuum; 2000. 183 p.

Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind. New York City: Penguin Press, 2018. 352 p.

Milgram St. Behavioral Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. Pp. 370–377.

Pagallo U. The Law of Robots. Crimes, Contracts and Torts. USA, New York. Springer, 2013. 400p.

Pietrzykowski T. The Idea of Non-personal Subjects of Law // Law and Philosophy Library. Cham: Springer, 2017. Vol 119. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Kurki V., Pietrzykowski T. (eds.). P. 49–67. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6_

Ricoeur P. Structure — Word — Event // Philosophy Today. 1968. Vol. 12 (2). Pp. 114 -120.

Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn. New York: Random House, 2008. 576 p.

Zizek S. Ticklish subject. The absent centre of political ontology. London: Verso Book, 2009. 499 p.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 704 p.

Сведения об авторе:

Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии образования (г. Москва, Россия).

e-mail: mariam_rav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Bionotes:

Arpentieva Mariam Ravilievna

Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the International Academy of Education (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Арпентьева М.Р. Мифологема субъектности в контексте «третьей современности» // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 12–28.

For citation:

Arpentieva M.R. Mythologeme of Subjectivity in the Context of "Third Modernity" // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 12–28.